№62 (992) 26.08—29.08.2004 г.

НОВАЯ ГАЗЕТА. - 2004. - 26.08. - 29.08. - С. 21

Екатерина ЦВЕТКОВА

Вознесенский говорит шепотом, но его голос слышен за океаном. Недавно Андрей Андреевич стал героем прошедшего в Лос-Анджелесе фестиваля «Русские ночи» — представил фильм Маяковского «Барышня и хулиган», вручил премии Рэю Бредбери и Шарон Стоун. Голливудская звезда читала со сцены его стихи. Дастин Хоффман, начавший свою речь с Толстого и Достоевского, узнал, что в зале сидит Вознесенский, и сиганул через два ряда — обнять русскую литературу.

Так было вчера. Утром 25 августа Андрей Андреевич позвонил в редакцию: «Трагедия, случившаяся этой ночью, все перевернула. Небо над Россией, которое вчера еще светилось надеждой, оказалось черным квадратом. И мы – в эпицентре этого квадрата. Все понятия поменялись местами. Совесть? У террористов свое представление о «совести». И у безвинно погибших была совесть. Есть нечто третье – безусловное, как жизнь — то, что является общей совестью».

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ — межгалактическая видеома

Алексею Зубову

Стебли росных ландышей
Сакс напоминал.
Я нашел в Лос-Анджелесе
Зубовский бульвар.
Зубов улыбался,
кумир антипопсы.
Как прорези на басе,
висят усы.

Ударник, старый мальчик
бледней нашатыря,
Сто лет не брал он палочки
в глуши монастыря.
Зуб, улыбнись, как ножик!
Лицо, как падишах,
как стул на венских ножках,
уселось на усах.

Леха, гни коленца.
Принц моих
детских лет,
будто Лех Валенса,
усач и диссидент.
Буди интеллигенцию,
Интеллигент!

Гулял по Зубовской улице.
Усы жирные,
как устрицы.

Вместе с усами
бен Ладена
озвучены
БИ-Лайно.

Русский камикадзе
По ком дивертисмент?
Кто сказал, что эмиграция —
это смерть?
Разве только в эмиграции
есть Русь?
Шевелится сакс играющий,
как третий ус.
От Нью-Йорка
до Сургута общий вкус
наши внутренние трубы
ждет Исус.

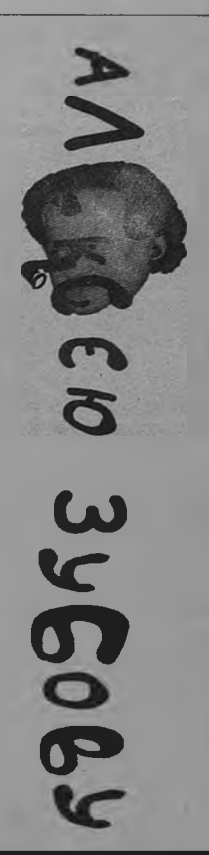
Воет сакс, как трупный
третий ус.

Баи Бахусы
усища
усыпительное лассо.

Усыщи

Уссыщи

Усе.



Россия как черный квадрат

— Андрей Андреевич, вы признаете, что этот фестиваль был одной из самых тяжелых поездок. Почему вы согласились участвовать?

— Я просто попал под обаяние организатора фестиваля Стаса Намина, благодаря которому там оказались и американские знаменитости. Я и не подозревал, что впечатление окажется настолько сильным. Америка стала узнавать русское искусство — еще недавно оно казалось на Западе неприкаянным. Я столкнулся с удивительно неповерхностным восприятием Толстого, Солженицына, Достоевского...

— Речь идет об освоении русской культуры, а не расписного «хохломского бренда»?

— Конечно, все подлинное. И американское искусство тоже отличается от наших стереотипов — как живой Роберт де Ниро отличается от экранного. Кстати, отец актера — серьезный, интересный художник. Дастин Хоффман оказался гениально чувствующим человеком. А Шарон Стоун тонко понимает поэзию и всю прелесть русской культуры. Это совершенно иной Голливуд! Голливудскому мифу соответствовал скорее Рейган — мне доводилось с ним общаться.

— Русские на фестивале не удивили?

— Там был Владимир Машков. Мы пошли в ресторан, где официанты — все бывшие актеры. Красавец блондин, обслуживавший нас, узнал Машкова, и через некоторое время на столе появился незаказанный десерт. Мы жрали десерт за то, что знают Машкова!

Я встретил старого друга, саксофониста Алексея Зубова. Увидел его — не поверил. Он совсем не изменился, только побелел весь. Как был антипопсой в России, так и остался в Штатах. Стихи о нем я дарю «Новой газете».

— Зоя Борисовна Богуславская тоже занимается русской культурой в Америке?

— Неизвестно, что будет завтра, состоится ли теперь Фестиваль русского кино в Нью-Йорке, в подготовке которого она принимает участие. В Лос-Анджелесе она с успехом открывала вечера Евгения Гришковца в Шекспировском театре и представляла фильм «Волга-Волга». Этот фильм Сталин смотрел 26 раз, хотя посадил и сценариста, и оператора. Сценариста Николая Эрдмана я однажды встретил в театре Юрия Любимова – это был сломленный человек с печатью гениальности. И заикающейся улыбкой.

— 50 лет вы читаете свои стихи со сцены. Как изменился за эти годы эстрадный жанр, можно ли сегодня пренебречь артистической манерой?

— У страны появляются новые кумиры. Моя манера остается неизменной — читаю в «антиактерской» манере. Это имеет отношение к написанию стихов. Пишу, следуя за внутренним ритмом, и при чтении тоже помогаю себе рукой. Жест — подчеркивает.

— Вы чувствуете связь с сегодняшней аудиторией?

— Две трети зала на концертах — молодежь. Они более прагматичны и более образованны, чем мы. Они читают все — пусть бессистемно. У нас были пароли: Мандельштам, Пастернак. Читаешь? Хороший человек. Свой.

Сегодня пришло смешанное поколение, у них развито ассоциативное мышление. В ответ на звук они замолкают, а образы схватывают на лету. Может быть, это Бог отнимает у меня голос, чтобы я делал визуальные вещи, видеомы. Звуковая эра сменилась визуальной. Раньше сказку про Серого Волка слышали от бабушки — теперь по телевизору.

— Сегодняшняя Москва вам нравится?

— Мне часто нравится реклама на улицах. Например, «Квартиру купи» — куПИКвартиру или «Обладать» — обЛАДАть... Реклама — еще один способ выразить себя.

— В масс-медиа вы отводите место искусству?

— Нет низкого и высокого искусства. Нет подлых жанров, есть неталантливые люди. С уличным жанром работал Маяковский. Проблема искусства сегодня: слишком много болтовни, мало артефактов. Открывать новое сложно, и новаторство зависит только от масштаба личности.

— Ваша строчка «На вернисажах одни гениталии» написана два года назад. Что-то изменилось?

— Нет. Просто раньше это называлось «порнухой», а сейчас никого не волнует. Помню, несколько лет назад приехал на вечер поэзии в Оксфорд, в чьих-то строчках мелькнуло «фак» — все взорвались. Сегодня там же этот «фак» слышу через слово — реакции никакой. Критерии нравственные сменились эстетическими.

— Эту эстетику принимают за социальность: театр выходит на улицу, в Канне победил псевдодокументальный фильм, публицистика теснит литературу. Голос улицы не мешает монологу автора?

— Думаю, нет. Монолог внутренний всегда важнее, но одной ногой автор всегда на улице.

— Читала, что Вознесенский питается розами: до сих пор приходят авторские из Японии за «Миллион алых роз». Сейчас возможно предложение, от которого вы не откажетесь?

— Я не могу написать стихи по заказу и никогда не писал для кого-то — только для себя и для людей. Не может быть просто песенки, просто текста, ничего случайного — все приходит изнутри.

— Скоро исполняется 70 лет Александру Аронову. Что, кроме таланта и случая, разумеется, определяет место поэта в памяти современников?

— Для поэзии необходимы риск, безоглядность и чистота помыслов.

Саша Аронов был необыкновенно талантлив. Помню, как приезжавший в Москву Сартр пришел на его вечер и был поражен. Помню Сашу на сцене — кудрявого, как влюбленный Пушкин. Аронов был интереснее многих современников. Но он был закрытым совершенно, не стремился к публичности. Поэтому не обрел своего зрителя как поэт. Остальное — расположение звезд. У Аронова была своя ниша — в которой он и остался. Для меня весь Аронов — в одной детали, в его строчке про женщину, у которой «груди, как карандашики».

— Из нового поколения пишущих вам кто-то интересен?

— Сейчас события в поэзии происходят в бывших русскоязычных республиках, где русский язык — в эмиграции. И на периферии, где поэзия еще не стала жестом. Париж стал досягаем, как Воронеж, и Воронеж подчас интереснее. Вот в Харькове я нашел двух замечательных поэтов — Александра Кривенко и Дениса Ворошилова.

— Андрей Андреевич, если по ТВ и газетам представить вашу жизнь — один фестиваль сменяет другой, то вечер, то презентация, — возникает ощущение, что писать вам решительно некогда. И тем не менее в газетах и журналах часто появляются ваши новые стихи...

— Действительно, я много ездил в последнее время. Жизнь сумасшедшая, очень активная. Но вот я снова в Переделкине. Попадаешь сюда — и сразу пишется хорошо.

— Сегодняшнее Переделкино — не только аура Пастернака и Чуковского, но еще и писатели, ставшие хозяйствующими субъектами. Развитие ситуации с разделом собственности оптимизма не внушает. Вы видите какое-то решение проблемы?

— Там будет строиться бетонный завод. Мысль о том, что дорогая мне аура будет пронизана какими-то бетонными штуками, — тяжела. Но я не знаю, где искать помощь в эпоху диктатуры денег. Власть не может спасти в небе самолеты, что же говорить о Переделкине! Москва сомкнется над Переделкиным, и мой голос здесь вряд ли что-то изменит. Но я в восторге от людей, которые верят в силу слов, которые пытаются к чему-то взывать и что-то делать!

— То, что происходит сегодня в обществе и в публичной политике, не внушает вам беспокойства?

— Сегодняшняя действительность – чудовищна, подла, безвыходна. Но причитать по этому поводу — бессовестно, надо по-мужски искать выход. На днях по ТВ я видел, как бессовестный человек поучал нас совести. Пальцами, опухшими от доносов, он смахивал бесстыжую слезу. Лишь художникам дано говорить о совести, как убиенные Цветаева, Маяковский, Мандельштам, Есенин сжимали свои жизни в кристаллы четверостиший. И эти кристаллики являются микроэлементами Царства Божьего на земле.

Совесть – не свисток милиционера

Совесть – присоска ноосферы.

Остальное – бессовестное.

Вчерашний теракт показал эту реальность — Россию засасывает в страшную, черную, алогичную дыру.

● Публикация подготовлена отделом культуры